

ГЛАВА 1

«Громко и яростно упрекая какую-то женщину в неумении модно одеваться, ты даешь всем понять, что твои платья намного дешевле, чем у нее».

Я оторвалась от документа и посмотрела на полную брюнетку, сидевшую рядом за столом.

— Маргарита, мне несвойственно осуждать кого-либо.

— Простите, — смутилась Рита, — я случайно произнесла вслух то, что думаю. Читаю комментарии в Инстаграме и диву даюсь. Смотрите.

Перед моим носом оказался чужой телефон.

— Купила вчера новый костюм. И как он вам? — спросила Рита.

— Очень симпатичный, — одобрила я, — пиджак сидит идеально, брюки тоже. Редко так бывает. Много раз пыталась подобрать себе идеальный комплект, но постоянно не получалось. То верх плох, то низ никуда не годен. А вам удалось. И потрясающий цвет, изумрудно-зеленый. Очень люблю такой, но сама не ношу.

— Почему? — удивилась Маргарита.

— Блондинке со светлой кожей и голубыми глазами он не идет, — вздохнула я, — буду похо-

дить на кузнечика. И яркий цвет затмит мое лицо. А вы брюнетка, вам изумрудный прямо в масть.

— Комментарии посмотрите, — усмехнулась моя собеседница.

Я погрузилась в текст. «Блин, разАделась жирная куча», «Сорок лет старухИ, а под молодую кАсит», «С такой ж... и в брюках», «Ужас! Ваше веСЧи пАкупать не умеИт», «Даме с такими пропорциями лучше скрывать недостатки, чем подчеркивать их дешевой безвкусной одеждой». Я оторвалась от увлекательного чтения.

— Ну и ну! Не верьте никому! Вы выглядите в нем сногшибательно. Девушка, которая написала про старуху сорока лет, наверное, учится в школе. Она не понимает, что сама с годами не станет моложе, грустно, когда человеку нечем гордиться, кроме как своей юностью. Большинству критиков надо посоветовать взять орфографический словарь, чтобы проверять с его помощью свои тексты. Правда, абсолютная грамотность не умаляет чувства зависти. Та, что безукоризненно составила фразу, тоже вас не похвалила. Интересно, она сама как выглядит?

Я нажала на фотографию с изображением букета роз и воскликнула:

— Аккаунт закрыт.

— Обычное дело, — усмехнулась Рита, — большинство людей, которые злорадно строчат пакости, делают это, перекрыв доступ к своим ресурсам. Но мой сын, несмотря на то что ему всего двенадцать лет, большой умелец по части

компьютеров. Он мне одну штучку установил. Сейчас.

Брюнетка постучала пальцем по экрану.

— Битте. Мы вошли к интеллигентной особе.

— Ну и ну! — изумилась я. — Это мужчина! Преподаватель истории в вузе! Ой, какой толстый, страшный. Он не имеет права упрекать вас в плохой фигуре, потому что у самого живот размером с «КамАЗ».

— Поэтому и написал, — засмеялась Маргарита. — Мерзости строчат только убогие телом и душой. А кто у нас «сорокалетняя старуха»? Любуйтесь!

— Вот те на! — снова удивилась я. — Да ей шестьдесят, не меньше.

— В профиле написано, что двадцать пять, — развеселилась хозяйка кабинета.

— Что-то мне расхотелось Инстаграм открывать, — пробормотала я, — не хочу «комплименты» читать!

— Виола, дорогая, — сказала Рита, — мы подписали договор. Деньги вам перевели.

— Я не отказываюсь от взятых на себя обязательств, — пояснила я, — просто немного приуныла, представив, что получу в ответ на свои публикации.

— Вам надо обрасти толстой кожей, — посоветовала собеседница. — Извините, оставлю вас на некоторое время одну.

Маргарита вышла из комнаты, я взяла из вазы на столе шоколадную конфету и развернула

ее. Пару дней назад ко мне, писательнице Арине Виоловой, обратилось рекламное агентство и за очень приятную сумму предложило стать лицом аппарата «Волшебник». Выражение «лицо аппарата» меня смутило, но госпожа Богданова, которая вела переговоры, пообещала, что оно останется только в документах.

Я внимательно прочитала описание «Волшебника» и показала его мужу со словами:

— Похоже, это полезная штука. Надевается как пояс на голое тело и носится, не снимая, целый месяц.

— Ух ты! — рассмеялся Степан. — Наверное, через тридцать дней счастливый обладатель сего аксессуара будет источать аромат сочного сыра бри, который лично я из-за его запаха, типа носков бомжа, есть не могу.

— С этим аппаратом можно мыться в душе или плавать в бассейне, — успокоила Степу я, — обещают, что он не помешает, пояс мягкий. Правда, он с какими-то кнопочками на внутренней стороне, но они не выпирают, утоплены в «Волшебнике». Ноу-хау будет считать калорийность каждого съеденного продукта, оценивать уровень жира в моем организме...

— У мышей жира нет, — ухмыльнулся Степа.

— Еще как есть, — возразила я, — некоторые из них тучные, словно заматерелые бегемоты. «Волшебник» дает советы по питанию и физической нагрузке. Производители обещают потерю семи-десяти кило.

— Эй, эй, нам этого не надо! — возбудился муж. — Придется сантехнику менять.

— Зачем? — не поняла я. — Как мой вес связан с сантехникой?

— Да напрямую, — ответил Степан, — вытащишь пробку, и тебя в трубу вместе с водой смоеет. Придется заказывать специальные ванны с мелкоячеистой решеткой на отверстии слива.

Я рассмеялась.

— Мне худеть не надо. В моем случае «Волшебник» поможет избавиться от болезней.

— У тебя их нет, — удивился муж. — Или я чего-то не знаю?

— «Волшебник» — помощник для ведения здорового образа жизни. Он не позволит мне есть один раз в сутки, прикажет питаться дробно, поэтому я не заработаю гастрит, — растолковала я. — Но! Главное! Рекламный контракт! Это очень большие деньги.

— Ну, если так, — пробормотал Степан, — тогда можно с этой фигней походить.

— Придется участвовать в съемках, — вздохнула я.

— Ерунда! — отмахнулся муж. — Поулыбаешься в камеру — и свободна.

— Все не так просто, — заныла я, — нельзя приехать и сразу войти в кадр. Грумер, костюмер, редактор, продюсер, все придут и будут что-то советовать. Ты просто не знаешь, какая это головная боль.

— Тогда откажись! — велел Степан. — Поблагодари агентство за предложение, объясни, что дописываешь детектив и не хочешь отвлекаться.

— Хорошо бы мне и правда последнюю главу дописать, — загрустила я, — но я даже первую фразу пока не придумала. Отказаться от договора легко, но тогда денег не заплатят. А мне они очень даже не помешают.

— Тогда соглашайся, — пожал плечами муж.

Я начала загибать пальцы.

— Рекламная съемка, пресс-конференция и еще кое-какие мероприятия идут в придачу к поясу. Не хочу.

— Отказывайся.

— Денег не дадут!

Степа налил себе кофе.

— Есть договор — есть гонорар. Нет договора — нет гонорара. По-моему, это логично.

— Хотелось бы иначе, — вздохнула я.

— Как? — не понял Степан.

— Нет договора — есть гонорар!

— Отлично. Это возможно.

— Ты шутишь? — спросила я.

— Конечно, нет, — серьезно ответил Дмитриев, — ты не вступаешь в отношения с агентством, а я даю тебе конверт. Видишь, как здорово? Всегда надо пошевелить мозгами, и найдется прекрасное решение любой проблемы!

— Подожди, а тебе кто даст такую сумму? — спросила я.

— В банке сниму со счета, — ответил Степан.

— Не подходит, — возразила я, — получится, что я сижу у тебя на шее.

Степа взял из хлебницы булку.

— Устраивайся там поудобнее. Мне нравится тебя на шее возить.

— Не собираюсь превращаться в болонку на диване! — возмутилась я. — Не желаю складывать ладошку лодочкой и мурлыкать: «Котик, дай зае на колготки».

— У тебя не получится превратиться в кудрявую тихую собачку, — усмехнулся Степан, — ты боевая мышь! А они совсем другие звери, очень вредные, всегда по-своему сделать норовят. Скажи такой: «Мышатиная, не прыгай в лужу». Так она нарочно, чтобы доказать свою самостоятельность, туда сиганет и утонет. Из принципа.

Я запустила в мужа диванной подушкой...

Сегодня я приехала в агентство подписывать договор и опять приуныла. Деньги заманчивые, да только нет у меня желания присутствовать на съемках...

— ... А вот и мы с «Волшебником», — возвестила Маргарита, входя в комнату, — сейчас научу, как им пользоваться. Это так просто, что даже писатель детективных романов поймет. Извините, вам придется снять кофточку. Дверь я заперла, никто сюда не заглянет, вас в бельишке не увидит.

Я покорно стащила тонкий свитерок. Большинство людей, прежде чем что-то сказать, не думают, как к их словам отнесутся окружающие. Рита из

этой категории. «Это так просто, что даже писатель детективных романов поймет». И как следует понимать сию фразу? Все, кто работает в криминальном жанре, полные идиоты!

ГЛАВА 2

— Ничего сложного нет, — зачастила Маргарита, — пояс снимать нельзя даже на ночь. В нем можно мыться, заниматься спортом, делать что угодно. Под одеждой он незаметен. Это разработка наших ученых. Гениальная. Но поскольку наш народ падок на иностранщину, производитель назвался «Supermegagus». «Волшебник» можно купить в Интернете. Тем, кто укажет промо-код «Арина Виолова», полагается большая скидка. Как работает пояс? Измеряет у вас уровень жира в теле, сам рассчитывает калорийность рациона, дает совет, что лучше съесть, когда выпить воды и так далее.

— Каким образом прибор, спрятанный под одеждой, прочитает меню? — поразила я.

Маргарита, не останавливаясь, продолжала:

— Отличный вопрос. «Волшебник» — это компьютер, он все знает, по часам вычисляет меню завтрака, обеда и т. д. Когда вы находитесь на улице, трубкой делаете фото, оно же потом таинственным образом попадает в компьютер или айпад. Только не спрашивайте, как это получается. Я не знаю даже, как радио работает. Вот и с «Вол-

шебником» так. Он все узнает. По условиям контракта вам придется сходить со съемочной группой в фитнес-зал. Не пугайтесь. Всего один раз. Провести пресс-конференцию. Фотосессию для журнала. Это все. «Волшебник» у вас на месяц.

— Извините, Маргарита, есть проблема, — остановила я ее, — я не ношу часы. У меня их попросту нет.

Пару секунд Рита смотрела на меня, потом рассмеелась.

— Ах я коза глупая! Когда сказала, что аппарат связан с часами, то имела в виду наручное устройство, которое прилагается к «Волшебнику». Давайте руку.

— Худеть я не хочу, — пробормотала я. — Вдруг пояс мне диету назначит?

Маргарита приложила палец к губам.

— Тс! Это секрет! Мы не активируем «Волшебник». Вам просто надо его носить. И часики. Чтобы все видели. Журналисты проницательны. Узнают, что Виолова не пользуется тем, что расхваливает, и поднимут лай. Поэтому «Волшебник» во время акции всегда должен быть на вашем теле. Но! Он не будет работать. Все знаменитости так делают! На экране телевизора колу пьют, а в жизни к ней не притрагиваются, но бутылка сладкой гадости у них всегда с собой: в машине, в сумке. На случай встречи с прессой.

Я решила отказаться от контракта, но тут жирная жаба жадности зажала мне рот своими лапами, и я лишилась дара речи.

Примерно через час я покинула офис рекламной фирмы, села в машину и позвонила мужу, который сразу спросил:

— Ты где?

— Собралась ехать домой, — ответила я.

— Знаешь Любу Рамкину? — задал следующий вопрос Дмитриев.

Я нажала на педаль газа.

— Среди ближайших моих знакомых такой нет. А что?

— Сделай одолжение, загляни ненадолго в офис, — попросил супруг, — хочу тебе кое-что показать.

Я перестроилась в левый ряд и через десять минут вошла в кабинет мужа.

— Ты летела над пробками? — изумился Степан.

— По Москве в наше время лучше всего передвигаться на помеле, — хихикнула я, — но оно неудобное, сиденья нет. Да и под дождем вымокнешь. Рекламщики, с которыми я утром общалась, находятся через две улицы отсюда. Жаль, обе они односторонние, поэтому мне пришлось ездить кругами. А то могла бы еще быстрее добраться. Кто такая Люба Рамкина? Почему ты спрашивал о моем знакомстве с ней?

— Любовь Сергеевна журналистка, — уточнил муж.

Я села в кресло.

— Не могу ее припомнить. Возможно, когда-то где-то мы пересекались. С тех пор как меня стали

активно звать в разные телепрограммы, о близком знакомстве со мной заговорили многие.

Степан повернул ко мне айпад, я увидела снимок тетушки неопределенного возраста.

— Узнаешь?

— Нет, — ответила я.

На экране появился новый снимок.

— А здесь есть знакомые? — поинтересовался Дмитриев.

Несмотря на то что прошло много лет с того дня, как фотоаппарат запечатлел группу детей, мне стало не по себе.

— Да.

— Можешь объяснить, по какому поводу был сбор? — не умолкал Степан. — Если я не ошибаюсь, в самом последнем ряду с краю стоишь ты.

— Это день рождения Любы Гаскониной, — сказала я, — она пришла в наш класс то ли на второй, то ли на третий год обучения, уже не помню. Дочь богатых знаменитых родителей. Мать — балерина, отец — дирижер. Имена их я тоже забыла.

— Ксения Петровна и Сергей Николаевич, — подсказал муж.

— Точно, — кивнула я, — они часто ездили за границу, поэтому Люба одевалась лучше всех. Во времена моего детства школьники всей страны носили одинаковую форму, а Гаскониной ее шили в ателье. На всех девочках платья сидели ужасно, на Любе прекрасно. Я ей всегда завидовала до слез. Очень хотела туфельки, как у нее, синтетическую розовую шубку, шапочку с помпоном,

портфель с изображением Барби. И саму эту куклу тоже. Ни у кого не было столь волшебных прекрасных вещей, как у Любы. Никто из нас до появления Гаскониной понятия не имел, что существует красота по имени Барби.

— Вы дружили? — спросил Степан.

ГЛАВА 3

Меня внезапно охватила давно забытая детская обида.

— Никогда. Люба считалась королевой. У нее было несколько подруг в параллельных классах, их имен я не помню. В нашем она сблизилась с Наташей Лебедевой и Аней Марковой. У первой отец был журналистом-международником, у второй мать эстрадная певица. Но в кругу тех, кто мог прийти к Гаскониной домой, была и Васенкина, отца она не знала, ее мать работала уборщицей на рынке. Нина была при Любе кем-то вроде горничной, таскала ее портфель, занимала для Гаскониной очередь в буфете, писала контрольные по всем предметам, доклады, кидалась с кулаками на тех, кто смеялся над Любой, обзывал ее надутой индюшкой. За преданность «королева» иногда дарила «прислуге» свои старые вещи. А та, получив их, светилась от счастья.

— Любовь подпускала к себе либо детей знаменитостей, либо тех, кто ей ботинки чистил? — спросил Дмитриев.

— Именно так, — согласилась я. — Гаскони-на полагала, что роль ее портфеленосицы очень почетна, поэтому никто от нее отказаться права не имеет. Как-то раз она ко мне подошла с вопросом: «Вилка! Правда, что ты из княжеского рода, твои родители умерли, а тебя отправили в детдом?» Я, тогда маленькая, ничего про князей Таракановых не слышала, известную картину Флавицкого¹ не видела, о том, что мой папенька Ленинид вор и сидит на зоне, а матушка бросила меня в младенческом возрасте, понятия не имела. Поэтому ответила:

— Мои родители умерли. Я никогда их не видела. В детдоме не жила. Меня воспитывает тетя Рая.

— И кто она? — поинтересовалась Люба.

Я удивилась.

— Женщина.

— Ау, Тараканова, кем она работает? — засмеялась Гасконина.

— Дворником, — пояснила я, — еще людям квартиры убирает.

— А-а-а, — протянула одноклассница, — ясненько. Вилка, сегодня ты отнесешь домой мой пакет со сменкой.

Я пожала плечами.

— На фига мне твои туфли тащить? Свои есть.

— Балда, — рассердилась Люба, — доставишь их ко мне в квартиру.

---

¹ К. Д. Флавицкий, картина «Княжна Тараканова», год написания 1864-й.

— У тебя что, руки отвалились? — осведомилась я. — Вроде пока на месте. Сама отопрешь.

На лице Гаскониной появилось удивление.

— Ты отказываешься?

— Если ты заболела и вежливо попросишь достать свою сумку к тебе домой, то пожалуйста, — ответила я, — но приказывать мне ты права не имеешь.

Люба быстро ушла, и несколько лет у нас с ней были ровные отношения: ни мира, ни войны. Мы здоровались, но и только. После окончания восьмого класса дневники нам выдавали в день рождения Любы, ее родители устроили громкий праздник, пригласили артистов, накрыли столы. Еще они придумали шутивное вручение дипломов всем детям. Но юмор оказался с душком. Девочке из очень бедной многодетной семьи Оле Тарасовой, которая всегда потихоньку забирала в столовой с тарелок не съеденные кем-то пирожки, булочки, вручили лист с надписью «Лучший друг огрызков».

— Не смешно, — поморщился Степан.

— По-моему, тоже, — вздохнула я, — но подруги Гаскониной очень громко хохотали. Учителя молчали. Сейчас я понимаю, что они не решились ссориться с влиятельными родителями, которые за свой счет устроили торжество, угостили детей и педагогов.

— А что тебе дали? — поинтересовался муж.

— Диплом «Самая экономная в классе девочка, которая пять лет носит одно и то же платье», — ответила я.

— Да они хамы! — возмутился Дмитриев.

Я усмехнулась.

— Некоторые люди любят говорить другим гадости, а когда на них обижаются, округляют глаза: «Да ты совсем без чувства юмора». Недавно я готовила обед, включила от скуки телевизор, а там какой-то паренек со странным именем, что-то вроде «Модный хулиган», сыпал пакостями в адрес одной певицы. Ладно бы он критиковал ее репертуар, но парень высмеивал вес, рост, цвет волос женщины, которая годилась ему в матери. Ну да, нет у этой звезды оперного голоса, всю жизнь исполняет простые песни, но она популярна, у нее много поклонников. Называя ее творчество «жвачкой для ушей», юноша обидел армию людей, которым певица нравится. И сам-то он ничего хорошего не создал, книги не написал, роли в театре или кино не исполнил, петь не умеет. Не творческий человек, просто пересмешник, который говорит генитальные шуточки, заставляет народ смеяться, произнося через слово «попа». Стадию такого юмора большинство детей проходит лет в пять, но некоторые застревают в ней навсегда. Мне выступление суетливого парня, говорящего гадости в микрофон, не показалось забавным. Тощий насмешник на сцене выглядел одновременно злым, жалким и завистливым. А певицу я от души пожалела. Она сидела в зале, натужно улыбаясь, боялась показать, что ей больно, обидно, изо всех сил демонстрировала, что у нее есть чувство юмора.

— Надо было уйти, — фыркнул Степан, — к юмору это никакого отношения не имело. Вот у Аркадия Райкина были гениальные миниатюры, но он никогда не издевался над конкретными людьми, над коллегами, высмеивал сами пороки: жадность, глупость, взяточничество, скупость. И делал это очень талантливо. Райкин был гениальным актером, он мгновенно перевоплощался. Интересно, как бы тот парень отреагировал, услышав, что кто-то «шутит» так, как он, над его матерью?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Может, у него родителей нет? Поэтому он унижает других и считает это весельем? Издевается над походкой пожилой певицы, забывая, что сам к старости артрит получит. У этого юмориста могут родиться дети, а в Интернете ничего не пропадает. Захотят его ребята-подростки посмотреть, чем их папаша на сцене занимался, услышат мат, сквернословие, увидят, как он походку немолодой дамы передразнивает... Мда. Что-то мы с тобой зашли в разговоре не туда. Возвращаюсь к фото, которое ты мне показал. Снимок сделали в конце того вчера с вручением «остроумных» дипломов. Кое-кто из ребят, получив награду, сразу ушел домой. Я тоже решила удрать. Самым неприятным было то, что я на самом деле ходила в одном платье. Ну, не пять лет. Года три. Раисе его отдал кто-то из тех, у кого она полы мыла. Оно оказалось хорошего качества, я считала платье парадно-выходным, на-

девала его на праздники. Сначала оно доходило мне до середины голени, потом до колена, затем выше его, в конце концов превратилось в неприличное мини. Мы с тобой, Степа, все детство провели в одном дворе, ты знаешь, как мы с тетей Раисой «богато» жили. Ученице Таракановой стоило огромных усилий не зарыдать и не швырнуть «награду» в лицо Любе, которая ее мне с самой лучезарной улыбкой вручила. Я собралась убежать домой, не поев вкуснятины на банкете. Но ко мне подошла Оля Тарасова, «лучший друг огрызков», и шепнула: «Не доставляй богатеньким радости, они ржать будут: «Тараканова заревела и утопала». Улыбнись, пошли в столовую. Там столько всего! Тетя Галя, повариха, знает, какие мы с тобой дипломчики получили, она мне сказала: «Ольгуша, жизнь длинная, ухабов будет много. Учитесь держать удар. Вас защитить некому, поэтому дуть губу — не для Таракановой и не для тебя. Вздернули подбородки, выпрямили спинки и, битте, пожрать, пожалуйста. Помните, у вас за восьмой класс стоят сплошняком честно заработанные пятерки, а Любке, даже с учетом денег ее родителей, только тройки натянули. Лет через двадцать она у метро копейки просить будет, а вы мимо на собственных машинах да в шубах проедете. Господь сирот любит, только им надо оставаться скромными, не злыми и не обидчивыми. Я вам коробочки приготовила. Положила туда все самое вкусное, что на столах есть. Давайте, мои мышатки, учитесь давать отпор мерзавцам не грубостью, не

дракой, а своим вежливым поведением, и продемонстрируйте всем, что вам наплевать на тупые шуточки».

И мы с Олей пошли сниматься на общей фотографии. Я встала с самого края, не хотела оказаться в центре внимания и потом не забрала снимок, хотя их всем детям давали. У меня его нет. А откуда он у тебя?

— Любовь Рамкина прислала, — пояснил Степан, — она сейчас придет. Просила, чтобы ты непременно присутствовала во время нашей беседы. И...

Договорить Степан не успел, дверь кабинета распахнулась, без стука в комнату вошла какая-то тетка.

— Отлично, Вилка, ты тут, — позабыв поздороваться, заявила она.

— Добрый день, — сказала я. — Мы знакомы?

— Делаешь вид, что меня не помнишь? — прищурилась незнакомка.

Я развела руками:

— У меня большой круг общения. Каждый день встречаю много людей. Извините, не хочу вас обидеть, но кто вы?

— Главный редактор журнала «Вся правда о них», — ответила посетительница.

— Очень приятно, — улыбнулась я, — но я временно перестала давать интервью.

— Издеваешься? — прищурилась дама. — Решила мне мстить?

— Никогда ни с кем не свожу счета. И мы с вами незнакомы, — спокойно ответила я.

— Во врет! — покраснела посетительница. — Хорош прикидываться! Мы учились в одном классе.

Я опешила. Тетушка выглядит пенсионеркой.

— Ишь, Арина Виолова, ты у нас теперь звезда, — зло произнесла незнакомка.

Степан провел ладонью по столу.

— Если вы сидели за одной партией с Ариной Виоловой, то перед вами сейчас не она. Эти имя и фамилия придуманы издательством «Элефант». Писательницу зовут Виола Тараканова.

— Княгиня, значит, — скорчила гримасу Любовь, — голубая кровь, белая кость. А я из слуг, да? Тараканова! Древний род!

Глупый разговор стал мне надоедать. Степану тоже не хотелось в нем участвовать, он произнес:

— Госпожа Рамкина, далее продолжать беседу в подобном тоне нецелесообразно. Скажите, что вы от нас хотите?

— Я ей такой антипиар в своем издании устрою, что книги Виоловой сгниют на складе, — пообещала дамочка.

И тут мне все стало ясно. У каждого мало-мальски известного человека есть свой личный шизофреник. Наступила осень. В это время года активизируются нестабильные психически люди. Нашу гостью надо успокоить, хорошо бы выяснить ее домашний телефон и попросить кого-то из семьи забрать больную.

— Может, попьем чаю? — предложила я, краем глаза наблюдая, как Степан стучит по клавиатуре. — С печеньем, шоколадными конфетами.

Можно булочек из буфета принести. Они у нас прекрасные, с маком, корицей...

— Наめкаешь на мою полноту? — окрысилась тетка. — Хвалишься своей фигурой? Воровка!

Отлично зная, что с сумасшедшими не стоит вступать в разговор, я все же не смогла сдержать удивления.

— И что я у вас украла?

— Название! Оно, кстати, защищено авторским правом, — заголосила Рамкина. — «Вся правда о них». Это мой журнал! А ты! Сперла его! Вот!

Любовь открыла огромную сумку и бросила на стол книгу в бумажном переплете.

— Любуйся! Я всегда хорошо относилась к тебе, а ты меня ненавидела! Дружить не желала. А сейчас еще и оболгала!

Я взяла тоненькую книжонку, скорее брошюрку, увидела на обложке имя автора: «Арина Виолова», название «Вся правда о них», и возмутилась:

— Это не моя книга!

— А чья? — заорала Рамкина. — Чья?

ГЛАВА 4

Я повернулась к Степану.

— Можешь открыть список моих детективов, который опубликован на сайте «Элефанта»?

— Пожалуйста, — сказал муж.

Я повернула компьютер к Рамкиной.

— Смотрите. Криминального романа «Вся правда о них» и в помине нет. И, обратите внимание, названия моих произведений чаще всего смешные, например, «Лысая птичка счастья» или «Умка и Тупка». «Вся правда о них» нехарактерное для меня название. В моих детективах, как правило, двести пятьдесят — триста страниц. В книжке, которую принесли вы, всего шестьдесят.

Я открыла самую последнюю страницу.

— Здесь не указано издательство «Элефант», которому принадлежат права на мои произведения. Нет даты подписания книги в печать. Все сделано не так, как надо, и главное, это написала не я! Не затруднит вас пересказать сюжет?

Любовь с шумом выдохнула.

— Вначале идет краткое предисловие, где написано: «Я, известная писательница, впервые решила издать любовно-историческую книгу, рассказать о тех, кто называл себя Гаскониными и выдавал за потомственных аристократов. Я верила своей близкой подруге Любе, и все остальные не сомневались...»

У меня в мозгу словно молния сверкнула.

— Люба Гасконина?

— Здравсти, приехали, — устало произнесла посетительница, — спасибо, что перестала прикидываться и призналась, что ты прекрасно меня знаешь.

— Но ты назвалась Рамкиной, — только и смогла сказать я, — мне и в голову не пришло, что я вижу свою бывшую одноклассницу.

— Пожалуйста, перестань прикидываться, — попросила Люба. — Как ты могла не знать о книге? За что ты мне мстишь? За хорошее отношение? За нашу детскую дружбу?

Я встала и направилась к окну, в комнате определенно не хватало свежего воздуха.

— Молчишь? — крикнула мне в спину гостя.

Не оборачиваясь, я сказала:

— Ты никогда со мной не дружила, близко общалась с другими девочками, которые надо мной и моим единственным выходным платьем потешались. Давай честно. Нас нельзя назвать даже приятельницами. Я никогда не приходила к тебе домой, а ты не заглядывала ко мне, мы просто учились в одном классе.

— Что плохого в содержании книги? — спросил Степан.

Я распахнула окно и встала к нему боком.

— Там написано, что моя фамилия не Гасконина, а Гасконская, — всхлипнула Любовь, — что мои предки служили у князей Гасконовых, а те давали такое прозвище своим верным слугам. И фотографии!

— Какие? — поинтересовалась я.

Люба открыла книгу.

— Вот.

Я вернулась к столу и увидела два снимка. На левом была запечатлена пара. Мужчина лет сорока с хорошенькой девушкой. «Сергей и Ксения Гасконские в день свадьбы» — гласила подпись. На соседнем фото двое уже не молодых людей.

Несмотря на возраст, в мужчине легко узнавался Сергей. Он сохранил стройность, буйную шевелюру и манеру смотреть слегка прищурившись. Волосы у него поседели, но это не делало его непохожим на себя. А вот его спутница оказалась другой. Высокая, почти вровень с кавалером дама, очень худая, с продолговатым лицом. Я продолжала читать текст: «Сергей и Ксения Гасконские на вечеринке у дирижера Фролова. Кое-кто может подумать, что мало кому известный гордирижер опять женился, и опять на женщине по имени Ксения. Нет, нет. Брак Гасконских, которые всегда представлялись Гаскониными, потомками князей, никогда не рушился. Но! Сергей Николаевич на снимке — это Сергей Николаевич. А Ксения Петровна — это не Ксения Петровна. Пластическая операция? Дама прекрасно выглядит. Подтяжка — не уникальная операция, она давно поставлена на поток. Давайте внимательно изучим балерину. Глаза ее теперь не расставлены широко, они сдвинуты к носу, у которого тоже другая форма. Овал лица из квадратного стал продолговатым. Лоб вытянулся вверх. Прибавился рост. Это, господа, уже не подтяжка, а кардинальное изменение внешности. Как сделать лоб выше? Подбрить линию роста волос? Так поступали красавицы времен Средневековья. Но зачем это делать? Сейчас Ксения ростом почти вровень с мужем. В день свадьбы она ему едва до плеча достигала. Конечно, с возрастом рост человека меняется, да толь-

ко он... уменьшается. Не увеличивается. Связано это со старческими изменениями позвоночника, сокращается расстояние между дисками. Увеличить рост можно лишь одним способом — сломать голени, надеть аппараты Илизарова и растягивать нижние конечности. Это процесс долгий, займет не один год. Если мы пороемся в гламурной прессе, то увидим там фото бывшей балерины Гаскониной, она, несмотря на возраст, слыла заядлой тусовщицей. Ксения, наплевав на дресскод, приличия и свои годы, всегда ходила в коротких платьях и прозрачных колготках. Фигуру она сохранила, да и утягивающее белье помогло. На ногах небось есть варикоз, но дама заштукурует его тональным кремом. Вспоминается великий Гойя и его «Капричос» «До самой смерти»¹. Смешно наблюдать за молодящейся старухой, которая одной ногой стоит в могиле. Потом вдруг парочка престарелых весельчаков исчезает, и спустя пару лет Сергей появляется с этой жердью. Вопросец: у Гасконского одна и та же жenuшка? Да или нет? Если да, то почему так нечеловечески изменилась. Если нет, то куда делась первая Ксения? По какой причине они утверждают, что брак у них один? Мы проверили, развод не зарегистрирован».

Я отложила книгу.

---

¹ Франсиско Гойя (1746—1828) — испанский художник и гравер. «Капричос» — серия офортов, сатира на разные темы. Офорт № 55 «До самой смерти» изображает старуху, которая прихорашивается у зеркала.

— На мой взгляд, очень зло написано. Мне такие тексты несвойственны.

— Брехня полная, — отрезала Люба, — мои родители никогда не разводились. Страшная баба на втором снимке — это...

— Маришка Ландау, — перебил ее Степан, — певица из Польши. Она победила в Международном конкурсе, который проходил в Праге. Этот же снимок есть в Википедии, только подпись другая: «Дирижер Сергей Гасконин и Маришка Ландау, первое место на конкурсе песни в Праге». Автор книги или перепутал фотоматериал, или нарочно выдал Маришку за супругу дирижера. Вот так возникают многие скандалы. Не тот снимок, ложная информация под ним. Гасконские...

— Гасконины! — покраснела Люба.

— Автор упорно именует ваших родителей Гасконскими, — пробормотала я.

— Когда-то мы говорили друг другу «ты», — скривилась Любовь, — странно выкать бывшей однокласснице.

— Ты права, — согласилась я, — извини. Просто много лет мы не встречались. Существует экспертиза, которая определяет подлинность авторского текста. У каждого писателя свой слог, любимые словечки. Обожаемая мною Смолякова грешит излишней эмоциональностью. Герои у нее чаще хохочут, чем смеются. Еще она использует инверсию, думаю, неосознанно пишет: «Сказала я», а не так, как положено по правилам: «Я сказала». Пусть эксперт возьмет любую мою книгу,

сравнит с той, что сейчас перед нами, и станет ясно: автор этого опуса не Арина Виолова.

— Ты специально накропала ее не в своем стиле, — уже не так уверенно возразила Люба.

Мне неожиданно стало ее жалко.

— Ну подумай сама, зачем мне это надо?

— Из зависти, — ответила Любовь, — ты всегда лишалась аппетита, когда я появлялась в школе в чем-то новом. Глянешь на мои туфли, шапку, шарф, варежки или куклу, пенал, и все! Обедать не идешь.

Я рассмеялась.

— Люба, если бы меня так скрючивало от желания все твоё занять, я умерла бы от истощения через месяц. Ты постоянно чем-то хвасталась. А в столовую я не ходила по одной причине: в нашем классе считалось дурным тоном есть школьный обед. Учителя злились, кричали: «Родители платят, а вы их деньги на ветер бросаете. Немедленно ешьте».

Но варево в глубоких тарелках выглядело отвратительно, а сосиски плохо пахли. Маленьких еще можно было заставить слопать бурду. А старшеклассники категорически от нее отказывались. Демонстративно пройдя мимо столов, где стояли тарелки с супом, десятиклассники шли в буфет, брали там булочки, пирожки, бутерброды. По местным законам, тот, кто ел школьную еду, — нищета, с которой было стыдно дружить. А вот у того, кто набирал плюшки, богатые родители, с ним можно на перемене болтать, после

занятий в кино пойти. Денег на пончики, вафли и прочие изыски у меня не было, а есть хотелось. Слопать обед и стать объектом насмешек? Ну уж нет! Я шла в туалет, напивалась там воды из-под крана, заливала бунт голодного желудка, а на вопрос ребят: «Почему в буфет не спускаешься», — гордо отвечала: «Утром много ем, меня заставляют целую тарелку каши слопать. После этого до вечера аппетита нет». О твоих обновках, Люба, я и не мечтала, понимала: мне такое никогда не купят. Зачем хотеть то, чего не получишь?

Степан оторвался от компьютера.

— Любовь Сергеевна...

— Я еще молода для отчества, — рассердилась гостья.

— Люба, — спокойно сказал Дмитриев, — вы не первый раз в разводе.

— Кто виноват, что мужики идиоты? — вспыхнула Гасконина.

— Сейчас вы свободная женщина, — продолжал Степан. — Журнал ваш, уж простите, тихо умирает. Он существует только в сети, на бумаге нет. Количество подписчиков скрыто, но, судя по тому, что вчера его просмотрело два человека, а в четверг-среду никто не интересовался изданием, оно не особенно популярно. Вы просто переписываете сплетни из соцсетей и мечтаете получать за ознакомление с ними деньги. Но все это можно прочитать в разных местах бесплатно. Личная жизнь у вас не сложилась. Теперь обратим внимание на Вилку. Она замужем за челове-

ком, который ее любит. Успешная писательница. Бытовых и материальных проблем у нее нет. Занимается делом, которое ей по душе, у нее много друзей. Вопрос: зачем госпоже Таракановой вам завидовать?

Я молча слушала Степана. Зависть — чувство нелогичное. Знаю людей, которые, имея все материальные блага, летая на собственном самолете, отдавая за ужин тысячи евро, исходили на мыло, глядя на свою горничную. Почему? Девушка получала скромную зарплату, но выглядела абсолютно счастливой. А дама в мехах и бриллиантах чувствовала себя обиженной, никем не любимой и плакала по пять раз на дню от мысли, что она никому не нужна. Не в деньгах и карьере счастье, уж простите за банальность.

— Может, сейчас у Вилки в жизни сплошной шоколад, — огрызнулась Люба, — но в школе...

Дмитриев не дал ей договорить:

— Детство давно закончилось.

— Книга, — простонала Люба, — она там пакости написала! Ее небось уже все прочитали! Опровержение дай!

Глаза Любове стали наливаться слезами.

В школьные годы я испытывала к однокласснице сложную гамму чувств. С одной стороны — обиду за ее бесконечные выпады в мой адрес, с другой — зависть к красивым нарядам Любы, которых у меня никогда не будет, в-третьих, у вредины были родители, которые всегда ее защищали, а мне тетка Раиса без усталости твердила: «Ес-

ли с тобой какая-то неприятность приключилась, никого не вини, всегда думай: «Это я сама виновата». А вот у родителей Гаскониной было противоположное мнение: их девочка всегда права, все остальные поступают неправильно. И в детстве мне их поведение казалось очень даже нормальным.

Несколько лет после окончания школы я нет-нет да и вспоминала Любу и, честно говоря, очень не хотела столкнуться с ней в магазине, куда пристроилась мыть полы. В моем аттестате были одни отличные оценки, я могла поступит в институт, но жизнь сложилась так, что мне пришлось искать работу. На какую службу могла рассчитывать вчерашняя школьница, пусть даже и отличница? Но мне вроде повезло, директор одной фабрики искал секретаря. Ни на что не надеясь, я отнесла заявление, была допущена на собеседование к потенциальному боссу и в процессе разговора поняла: отвечать на звонки по телефону не придется, мне предстоит летать с мужчиной по всей стране, спать с ним в одном номере. Я решила, что мыть полы лучше, чем ублажать шефа, и пристроилась в магазин. Жуть, как мне не хотелось столкнуться в залах с Гаскониной. Но, к счастью, она никогда за молоком-хлебом-маслом в эту торговую точку не заходила. Ну а потом я забыла о Любе. И вот сейчас, глядя на тихо плачущую Гасконинову, я должна была испытать ликование, настал момент, когда некогда нищая Тараканова на коне, а Люба сидит под мостом в грязной картон-

ной коробке. Но вместо радости и злорадства меня затопила безбрежная жалость. Я встала и обняла бывшего врага.

— Люба, мы с тобой в детстве плохо друг к другу относились, ну что с подростков взять? Но теперь мы выросли. Пожалуйста, поверь, я и в голову не держала сделать тебе гадость.

Бывшая одноклассница уткнулась мне в плечо.

— Кто же тогда все это затеял?

— Отличный вопрос, — вздохнул Степан, — самому очень интересно. Сейчас придет...

Дверь открылась, появился Юра Шкатулкин, наш компьютерный гений. В двенадцать лет Юра получил в подарок ноутбук и, забросив все остальные игрушки, сел с ним в обнимку. Через два года мальчик влез в базу одной ну очень серьезной организации. Зачем он это проделал? Его мама не могла купить сыну новый мощный компьютер, а вот у одноклассника Гельфмана таковой имелся, да только Левушка еле-еле мог написать письмо и постоянно получал по информатике «два». Гельфман с трех лет посещал музыкальную школу, обожал свою скрипку, имел за плечами несколько побед на детских и юношеских конкурсах, собирался, получив аттестат, поступать в Консерваторию и впадал в ступор при виде любой техники. Да что там принтер-ксерокс-ноутбук, Лева паниковал при виде консервного ножа, он не умел им пользоваться. Мама — певица и папа — дирижер до дрожи боялись, что сын повредит руку, они не разрешали мальчику даже чаю себе само-

стоятельно налить. Родители помочь подростку с информатикой не могли, сия наука была за гранью понимания всех членов музыкальной семьи. Школьный педагог, поняв, с кем имеет дело, порекомендовал им Юру как репетитора. Но обучить Леву азам общения с умной машиной Шкатулкин не сумел, хотя очень старался. Один раз в порыве педагогического негодования Юра треснул Левушку по затылку толстенным сборником нот и обозвал дятлом.

— Сам ты дятел клавиатуры, — неожиданно обиделся неконфликтный скрипач, — только и умеешь, что ругаться и драться.

— Я умею все! — заявил Юра.

— Докажи, — потребовал Гельфман, — залезь туда, куда никто не проникал.

— На своем компе не могу, а на твоём легко, — в запале воскликнул Шкатулкин.

И выполнил свое обещание.

Спустя некоторое время в квартиру Гельфманов пришли очень вежливые мужчины в костюмах, рубашках с галстуками и ласково спросили у мальчика:

— Левушка! Ну-ка расскажи нам, дружок, как тебе удалось устроить у нас кадровую перестановку? Каким образом ты пробрался в отдел персонала и сделал одного не очень умного парня самым главным в учреждении? Да еще начислил ему зарплату круче, чем у министра?

Лева не хотел сдавать Юру, начал что-то врать. И тут отец-дирижер воскликнул: